

Самохин Константин Владимирович

КОНЦЕПТ "СОВРЕМЕННОЕ/ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО" В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Объектом исследования в статье является концепт "современное/индустриальное общество" как один из главных элементов теории модернизации. Различие трактовок данного концепта, обусловленное, в первую очередь, периодом формирования модернизационной парадигмы, определило предметную область работы. Итогом анализа взглядов современных как западных, так и отечественных исследователей становится тезис о большей эффективности при определении дефиниции "современное/индустриальное общество" комплексного подхода. Предлагается авторское видение концепта "современное/индустриальное общество" и его основных особенностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 151-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.012

Философские науки

Объектом исследования в статье является концепт «современное/индустриальное общество» как один из главных элементов теории модернизации. Различие трактовок данного концепта, обусловленное, в первую очередь, периодом формирования модернизационной парадигмы, определило предметную область работы. Итогом анализа взглядов современных как западных, так и отечественных исследователей становится тезис о большей эффективности при определении дефиниции «современное/индустриальное общество» комплексного подхода. Предлагается авторское видение концепта «современное/индустриальное общество» и его основных особенностей.

Ключевые слова и фразы: современное/индустриальное общество; Запад; модерн; концепт; модернизация; парадигма; дискурс; комплексный подход.

Самохин Константин Владимирович, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СОВРЕМЕННОЕ/ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Концепция модернизации к настоящему моменту уже переросла уровень теории, приблизившись к значению парадигмы или дискурса. В качестве основной причины для своего зарождения она имела политический фактор, решающую роль в котором сыграла Холодная война. Последняя обладала, в определенной мере, той же основой, что и модернизационная парадигма, так как нередко трактовалась как противостояние «Запада» и «Востока» в 1946-1991 гг. Под «Западом» в данном ракурсе понимались США и примкнувшие к ним страны Западной, Южной и частично Северной Европы, а также Канада и др.; под «Востоком» подразумевались Советский Союз и страны социалистического лагеря – в первую очередь, государства Восточной Европы, а также Китай, Монголия, Северная Корея и др. Географически указанные «Восток» и «Запад» имели четкую линию раздела – Центральную Европу, а конкретно – Германию.

Активное формирование теории модернизации пришлось на 1950-е – 1960-е гг.: период интенсификации процесса деколонизации, когда перед бывшими колониями встала проблема выбора дальнейшего пути развития [3]. В 1970-е – 1980-е гг. теория модернизации подверглась серьезной критике из-за обозначения относительно односторонней траектории развития для стран «третьего мира», а также в связи с отдельными неудачными случаями ее практической реализации. Позже она получила «второе дыхание» в результате перехода от линейной модели к многовариантной [6, с. 139-140]. Немаловажными факторами роста популярности указанной теории в постсоветском научном дискурсе стали распад СССР и социалистической системы в целом, поиски нового подхода к истории в силу серьезной критики ее формационного понимания в отечественных гуманитарных науках, а также необходимость выработки стратегии государственного развития РФ в 2000-е гг. [4; 5].

Многовариантная модель модернизации как раз на данный момент и придает этой теории состояние дискурса или парадигмы. Исходя из существующих определений дискурса, парадигмы и теории [9, с. 140, 402, 583], необходимо заключить, что первые два понятия имеют более объемное значение, нежели третье, предполагая высокую степень дискуссионности, многовариантности трактовок и практического применения. Опираясь на выше обозначенную общую ретроспективу развития модернизационной концепции, вполне уместно для нее на современном этапе применять значения парадигмальности или дискурсивности. Активное развитие модернизационного дискурса в наши дни делает актуальным анализ основных понятий или концептов, которые в нем используются, тем более что их определение нередко затруднено в силу многозначности самого термина «модернизация».

В нашей работе модернизация будет трактоваться в своем классическом варианте как переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Подобная трактовка уже намечает два главных понятия модернизационного дискурса: традиционное/аграрное и современное/индустриальное общество. Главной задачей данной статьи будет определение концепта «современное/индустриальное общество» и его особенностей на основе воззрений первых разработчиков и современных исследователей модернизационной парадигмы. На наш взгляд, применение термина «концепт» в данном случае вполне оправданно, так как под ним подразумевается «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно языковой формы его выражения» [2, с. 506].

Родоначальники теории перехода от аграрного общества к индустриальному определяли итог модернизации под влиянием, в первую очередь, детерминизма социальной сферы. И. В. Побережников, известный современный исследователь модернизационной парадигмы, уже предложил обобщение результатов двух «пионеров» теории модернизации – Ф. Саттона [6, с. 137] и М. Леви [Там же, с. 138]. В воззрениях первого присутствует ярко выраженный социологический подход, так как Саттон пользуется при определении современного/индустриального общества понятиями преимущественно социологического дискурса. М. Леви трактует указанный концепт в более широком плане, представляя его духовные, социальные и экономические составляющие при очень пунктирной характеристике политической сферы.

Такой же, достаточно однобокий, взгляд присутствует и у У. Ростоу, также являющегося одним из родоначальников теории модернизации. Само название его работы «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» предполагает экономический детерминизм, связанный с желанием автора дать критику марксистских воззрений. Согласно взглядам американского экономиста, индустриальное общество начало формироваться «в Западной Европе конца XVII – начала XVIII в., когда интеллектуальные прозрения стали переводиться в новые производственные функции, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, в обстановке, динамичность которой придавали всесторонняя экспансия мировых рынков и международная конкуренция за них» [8, с. 24]. Иными словами первичным фактором для перехода стали производственные технологии, которые в дальнейшем повлекли за собой изменения в социальной сфере: смена системы образования и появление новых типов «предприимчивых людей, готовых мобилизовать сбережения и идти на риски ради преследования выгоды или модернизации» [Там же].

Географически процесс формирования современного/индустриального общества у У. Ростоу локализуется «в Британии и в других благоустроенных районах мира, значительная часть населения которых имеет британское происхождение (США, Канада и т.д.)» [Там же, с. 25], где сложился благоприятный комплекс условий для него, что приводит американского экономиста и политолога к мысли об эндогенном характере модернизации в этом регионе [Там же, с. 24].

При характеристике современного/индустриального общества У. Ростоу оперирует преимущественно экономическими понятиями. Главными особенностями этого периода в истории человечества, по мнению американского ученого, являются:

а) активное включение в мировые экономические процессы, в которых основной тенденцией становится импортозамещение;

б) применение передовых технологий к широкому, если не ко всему кругу ресурсов [Там же, с. 27-28].

Остальные сферы жизнедеятельности этого типа общества у Ростоу характеризуются лишь эпизодически.

В 1966 г. один из известнейших теоретиков модернизации Ш. Эйзенштадт опубликовал книгу «Модернизация, протест и изменение». В ней, а также в последующих работах этот американский и израильский социолог отстаивал тезис о необходимости отказа от прямого противопоставления традиционного и современного обществ. Во многом благодаря этой точке зрения сложилась современная парадигма модернизации, когда исследователи часто не дают характеристику традиционного общества в связи с кардинальными различиями народов, которые могут быть к нему отнесены. Однако ориентиры развития современного общества в качестве образца для досовременных цивилизаций выявляются достаточно четко.

Ш. Эйзенштадт использует в большей степени социологический подход при выявлении особенностей индустриального общества [14, с. 189]. Так, опираясь на труды Карла Дойча, он выделяет следующие характеристики социальной сферы современного/индустриального общества: «подверженность аспектам современной жизни через демонстрации машин, зданий, потребительских благ и т.д.; чуткость к масс-медиа; перемены места жительства; урбанизация; уход от сельскохозяйственных занятий; грамотность; рост дохода на душу населения и т.д.» [Там же]. Перечисленные выше признаки являются итогом такой тенденции модернизации, как социальная мобилизация.

К другой наиболее важной особенности современного/индустриального общества, по мнению Эйзенштадта, относится высокий уровень социальной дифференциации и специализации. Причем последняя трактуется не столько в экономическом плане, сколько в более широком: как специализация ролей, выполняемых индивидом в принципе, в течение жизни [Там же, с. 189-190]. Социальная же дифференциация проявляется, по мнению израильского социолога, через «характерные особенности ассоциационной структуры современного общества» [Там же, с. 195]. Эта структура связана с «неопределенной статусной системой» [Там же, с. 196], главной чертой которой необходимо считать неаскриптивность, т.е. непредписанность поведения, исходя из своего социального происхождения. Высокий уровень социальной дифференциации обеспечивается, в том числе, и социальной мобильностью, когда не только индивиды и семьи перемещаются «между относительно заданными и фиксированными структурными позициями», но «происходит также и создание новых структурных позиций в результате новых типов деловых предприятий, организации труда, политической и административной организации, а также новых критериев оценки таких позиций» [Там же].

Давая такую развернутую характеристику системы социальных отношений, Ш. Эйзенштадт намечает особенности современного/индустриального общества в остальных сферах жизнедеятельности в достаточно общем плане. Политический строй индустриальной цивилизации им не связывается с конкретным политическим режимом. По мнению американского и израильского политолога, главной чертой здесь будет являться повышение степени участия народных масс в управлении государством, что не обязательно может трактоваться как демократизация, а главными принципами – вовлечение «более широких социальных групп в центральные институциональные сферы» [Там же, с. 201] и «установление некоторого рода идеологической ответственности – обычно также институциональной – правителей перед подданными, считающимися носителями потенциальной власти» [Там же, с. 191], а это, по мнению Эйзенштадта, может осуществляться, к примеру, и при тоталитаризме [Там же, с. 191-192].

В экономической сфере проявления современного/индустриального общества, согласно воззрениям израильского и американского социолога, фактически солидаризуются с чертами рыночной и смешанной экономических систем. Основными маркерами здесь будут считаться: высокий уровень технологий, который во многом обусловлен специализацией и развитием соответствующих научных институтов; формирование «вторичных

(промышленных, торговых) и третичных (сервисных) родов занятий»; централизация, бюрократизация и увеличение основных производственных единиц (фактически монополизация промышленности); масштабность и сложность базовых рынков – в первую очередь рынков товаров, труда и денег [Там же, с. 190-191, 194].

Главные черты духовной сферы современного/индустриального общества Эйзенштадт ассоциирует в большинстве своем с тенденциями развития культуры, намечая лишь пунктирно духовно-ценностные установки представителей индустриальной цивилизации [Там же, с. 192]. Существенная роль при формировании и изменении духовно-ценностной парадигмы современного общества отводится социальным институтам, в первую очередь системе образования, однако израильский социолог говорит и о большом значении средств коммуникации, что еще раз подтверждает мысль о приоритете социологического подхода Ш. Эйзенштадта при характеристике основ модернизированного общества.

В 1980 г. еще один американский ученый – Э. Тоффлер – предложил свой вариант характеристики индустриальной цивилизации в книге «Третья волна». В силу того, что упомянутый выше американский публицист-футуролог является одним из разработчиков теории постиндустриального общества, а не исследователем модернизации, очевидна разница его трактовки в обозначении различных этапов истории человечества. Индустриальное общество Тоффлер называет традиционным [10, с. 33].

Следует отметить, что и Э. Тоффлера, и У. Ростоу роднит желание преодолеть марксистское видение истории [Там же, с. 27-28], потому в их воззрениях и присутствует экономический детерминизм.

При характеристике всех трех «волн» Тоффлер применяет общую схему:

Хронологические рамки существования «второй волны» Э. Тоффлер определяет так: со второй половины XVII до середины XX века. Начальная граница обусловлена расширением промышленной революции, а окончание связано с тем, что «силы Первой волны были сломлены, и цивилизация Второй волны воцарилась на всей планете» [Там же, с. 56-57]. Исходя из этой цитаты, можно заключить, что процессу волнового развития присущ, согласно воззрениям американского философа, планетарный масштаб. Однако Тоффлер при этом делает оговорку: «Для целей этой книги я буду пользоваться понятием индустриального мира (приблизительно 1979 г.) как состоящего из Северной Америки, Скандинавии, Великобритании и Ирландии, Западной и Восточной Европы (за исключением Португалии, Испании, Албании, Греции и Болгарии), СССР, Японии, Тайваня, Гонконга, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии» [Там же, с. 57]. Как видно из этого перечня, для американского мыслителя основным критерием для включения стран во «вторую волну» является преимущественно индустриализация. Причем он не делает при этом никаких различий между государствами социалистической и капиталистической формации, несмотря на то, что они имеют разные типы экономической системы: административно-командный и рыночный.

В каждой из перечисленных выше сфер Э. Тоффлером выделяется совокупность особенностей по четко заданным критериям. Поскольку американский ученый делает это в публицистически пространной манере, схематизируем эту информацию в виде Таблицы 1 [Там же, с. 49-216].

Осуществляя подготовительную работу для выделения особенностей формирования «третьей волны», Тоффлер говорит, что противостояние между индустриальным и постиндустриальным обществами идет на основе скрытого кода, имеющегося у каждой цивилизации [Там же, с. 92-93]. Этот скрытый код для современного/индустриального общества в модернизационной парадигме состоит из сочетания шести базовых принципов:

а) стандартизация, необходимая при массовом производстве и ликвидирующая различия, которые присущи «первой волне» [Там же, с. 93-97];

б) специализация, сопровождающая тот же самый процесс массового производства и заключающаяся, в первую очередь, в профессионализации труда [Там же, с. 97-101];

в) синхронизация, предполагающая одновременность любых процессов, но особенно производства, и существенно повысившая ценность времени [Там же, с. 101-104];

г) концентрация, заключающаяся, прежде всего, в локализации сосредоточения энергии, труда, сферы капиталов и т.д. [Там же, с. 104-106];

д) максимизация, которая сделала понятие «большие масштабы» синонимичным термину «эффективность» [Там же, с. 106-110];

е) централизация, ставшая основным принципом управления [Там же, с. 110-117].

При характеристике этих шести принципов американский публицист-футуролог идет по одному алгоритму: сначала раскрывается их сущность в отношении производства и в целом экономических процессов, а затем идет расширение области их применения на оставшиеся сферы жизнедеятельности общества, если это возможно.

Таблица 1

Сфера	Критерий выделения характеристики	Характеристика
Общие характеристики	основной фактор экономики	индустриальное производство
	пространственная локализация	город
	тип разделения труда	сложный (высокий уровень специализации)
	социальная дифференциация	многосторонняя социальная система
	основа социальных отношений	важную роль играют личные качества личности
	характеристика управления экономикой	централизация
Техносфера	источник энергии	полезные ископаемые
	основная характеристика источника энергии	невозобновляемость
	направленность развития технологий	использование технологий «органов чувств» и «чрева»; объединение механизмов и машин для единого производства, т.е. массового
	создаваемые продукты труда	массовые
	система распределения продуктов труда	основывается на новых средствах коммуникации (железные дороги автомагистрали), а также на универсамах и торговых сетях
Социосфера	тип семьи	нуклеарная семья, утратившая функции производственной ячейки; функции социальной адаптации легли на специализированные институты, равно как обеспечение и забота о нетрудоспособных – на государство
	уровень образования	система массового обучения
	форма организации бизнеса	корпорация
Инфосфера	тип обмена информацией	обмен письменной информацией стал массовым за счет почты, технических устройств (телефон и телеграф) и СМИ

Таким образом, необходимо сделать вывод, что Э. Тоффлер, как и У. Ростоу, преимущественно заостряет внимание на социальных и экономических факторах. Детализация особенностей духовной сферы присутствует у них в меньшей степени, характеристика политического строя практически не дается.

Фактически вывод относительно взглядов Э. Тоффлера можно экстраполировать и на воззрения большинства представителей начальных этапов формирования теории модернизации. Среди характеристик современного/индустриального общества, выделяемых в этот период, основными будут являться:

- а) усложнение социальной структуры;
- б) высокий уровень социальной мобильности, обусловленный, прежде всего, процессами урбанизации;
- в) значительная степень специализации, в первую очередь производства;
- г) рыночный и смешанный типы экономической системы (упор делается на рыночные механизмы, но при существенном уровне централизации управления).

Несмотря на относительно односторонний взгляд на сущность модернизации и основные концепты модернизационной теории родоначальники последней заложили основы для современных исследований модернизационной парадигмы, главной особенностью которой стала мультилинейная (многовариантная) модель развития для стран, вступивших на путь модернизации.

Одним из современных приверженцев теории модернизации является С. Хантингтон, который в 1996 г. выпустил книгу «Столкновение цивилизаций». В ней автор отстаивает тезис о том, что XVI век в мировой истории ознаменовался началом «всепоглощающего воздействия Запада на все остальные цивилизации» [12, с. 63], фактически это было начало модернизации. При этом американский исследователь отказывается считать досовременное состояние человеческого общества единым традиционным миром: последний описывается как совокупность различных цивилизаций, которые дифференцируются преимущественно по религиозному фактору [Там же, с. 52-58]. Однако для индустриальной цивилизации Хантингтон выделяет характерные черты, иногда применяя для ее обозначения термин «современные общества». Такая трактовка сближает данную терминологию со значением концепта. При этом для американского ученого концепты «Запад» и «современное/индустриальное общество» имеют разное значение [Там же, с. 94], в то время как для многих других они являются синонимами.

С. Хантингтон рассматривает Запад как одну из цивилизаций наряду с синской, японской, индуистской, исламской, православной, возможно, латиноамериканской и африканской [Там же, с. 52-58]. Однако совокупность особенностей западного общества стала залогом его преобладания в XVI-XX веках во всем мире, а также начала процесса модернизации как самого Запада, так и не-западных цивилизаций. Итогом таких рассуждений становится многовариантная модель модернизации, которая обусловлена не только скептицизмом С. Хантингтона относительно единства традиционных обществ, но и относительно общего понимания концепта «современное/индустриальное общество».

В качестве итога современного развития человечества американский мыслитель намечает черты универсальной цивилизации [Там же, с. 72-92], возможным ядром которой, по его мнению, может выступать «давосская культура». Последняя схожа по своим основным ценностям с западной цивилизацией, так как ее

представители – бизнесмены, банкиры, правительственные чиновники, интеллектуалы и журналисты из десятков стран, встречающиеся в Швейцарии на Всемирном экономическом форуме в Давосе, – «разделяют веру в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию» [Там же, с. 74]. На наш взгляд, обозначаемая С. Хантингтоном универсальная цивилизация является, в большей степени, результатом глобализации, которая хоть временами и рассматривается отдельными современными учеными как логическое продолжение модернизации, тем не менее, не является для нее синонимичным понятием.

Однако, осмысливая проблему «Запад и модернизация», американский социолог и политолог все-таки выделяет, пусть и в самом общем плане, главные маркеры современных обществ именно в итоговом значении модернизации:

а) высокий уровень передачи технологий, изобретений и структур из одного общества в другое;

б) основа жизнедеятельности – промышленность, «которая может эволюционировать от ремесел до классической тяжелой промышленности и затем до наукоемких технологий и производств». При этом промышленность, в отличие от сельского хозяйства, – одной из главных характеристик традиционных обществ, по мнению Хантингтона, в меньшей степени зависит от природных условий, потому «различия в организации промышленности будут вытекать, скорее, из различий в культуре и социальной структуре, а не в географии, причем различия в первой, вероятно, могут сгладиться, а во второй нет» [Там же, с. 93-94].

С аналогичных позиций рассматривает процесс модернизации и современный польский исследователь П. Штомпка. Возможными характеристиками этого процесса профессор Ягеллонского университета называет случайность, непредвиденные обстоятельства, мультилинейность и открытость его конца [13, с. 119]. При этом модернизация трактуется в очень широком плане, как «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [Там же]. Потому современность как итог модернизации представлена у польского исследователя, также как и у С. Хантингтона, во множественном числе [Там же, с. 120]. Выводом из подобных рассуждений является положение о том, что Западная современность – это не единственный образец, к которому должны стремиться немодернизированные народы и цивилизации, а лишь одна «из исторических траекторий и результатов процесса модернизации» [Там же, с. 121].

П. Штомпка увязывает модернизацию с процессом глобализации, придавая первой более широкий смысл. Однако временами он все-таки выделяет общие черты итога модернизации, вытекающие частично из влияния Западной (Евро-Американской) современности на остальной мир: распространение технических инноваций, массовой культуры и потребительства; «капитализм плюс демократия плюс индивидуализм плюс секуляризация» [Там же], – но при этом говорит о сопротивлении не-западных стран этому влиянию в виде собственных национальных моделей модернизации [Там же]. По мнению польского исследователя, итог модернизации проявляется в дихотомном плане: с одной стороны, имеются ее прогрессивные достижения – «увеличение продолжительности жизни, улучшение комфорта и гигиены, появление технических изобретений, делающих жизнь легче и интереснее, увеличение общественного капитала, повышение уровня образования и информированности и т.д.»; с другой стороны, суммируя воззрения западных исследователей, он говорит «о побочных эффектах, дисфункциях и тяготах модернизации», которые проявляются в отчуждении, аномии, стальном панцире капитализма, утраченной общности, гипертрофии стимулов и впечатлений в городской жизни, деградации массовой культуры, колонизации жизненного мира бюрократическими системами и т.д. [Там же, с. 123].

Таким образом, мультилинейная модель модернизации, разрабатываемая С. Хантингтоном и П. Штомпкой в рамках современного научного дискурса, расширяет свое значение до планетарного масштаба, так как в эту модель в качестве главного вектора включаются процессы глобализации. В этих условиях классическое определение модернизации перестает работать. Подобная трактовка сообщает понятию «современное/индустриальное общество» значение концепта, когда оно рассматривается не в геополитическом, единственном значении, а в сущностном, многовариантном плане, но именно указанная модель придает этому концепту относительно общий смысл, когда, временами, возникает вопрос о его необходимости в принципе. Ответом на эти сомнения, по мнению современных исследователей модернизационной парадигмы, может являться разнообразие паттернов современности.

В отечественных гуманитарных науках концепт «современное/индустриальное общество», как правило, не получает самостоятельного исследовательского значения. С учетом обстоятельств роста популярности модернизационной парадигмы в Российской Федерации, которые были приведены в начале данной работы, необходимо заметить, что российских ученых, в первую очередь, интересовала проблема типологизации модернизации, так как вставал вопрос о возможности применения модернизационного дискурса к объяснению различных процессов в истории России.

На начальном этапе обсуждения модернизационной концепции присутствовали схематичные модели обозначения концептов «традиционное/аграрное общество» и «современное/индустриальное общество». Так, одной из первых дискуссий, проводимых в данном плане, был «круглый стол» «Российская модернизация: проблемы и перспективы» [7]. В его рамках известный современный исследователь исторических закономерностей А. С. Ахиезер предложил в качестве критерия для разделения различных обществ оппозицию «статичное – динамичное» [Там же, с. 6]. На этой основе он характеризует индустриальную (в авторской интерпретации «либеральную») цивилизацию через смещенность к полюсу динамики.

Более подробную характеристику модернизированного общества во время указанной дискуссии дал известный специалист в области всеобщей истории Л. С. Васильев. По его мнению, в основе современного/индустриального общества лежит рыночно-частнособственническая структура, которая инициировала

процесс складывания обслуживающих ее институтов и принципов: «правовые гарантии индивида, привилегии собственника, приоритет группы собственников (полис) над администрацией, обслуживавшей интересы этой группы, принцип свободы и полного самовыражения индивида и т.п.» [Там же, с. 7]. Все это являлось порождением античной цивилизации и было дополнено развитием Средневековой Европы, в особенности в духовном плане, в рамках Ренессанса и Реформации [Там же, с. 7-8].

Отмеченная выше схематичность воззрений участников данного «круглого стола» вполне объяснима, во-первых, поставленной задачей – выявлением особенностей российской модернизации; во-вторых, начальным приближением к указанным проблемам. Однако первое объяснение и в последующих работах нередко играло доминирующую роль при исследовании проблем модернизации.

За относительно короткий, примерно четверть вековой, период в отечественных гуманитарных науках появилось большое количество публикаций, которые пестрят своей многоаспектностью в изучении различных вопросов, касающихся модернизации. Одной из таких работ стала монография С. Н. Гаврова и Б. М. Бим-Бада «Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ» [1]. В ней авторы характеризуют итог процесса модернизации следующим образом: «Современное общество включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. Рыночная экономика – основа автономного гражданского общества – преодолевает все границы и создает открытое общество. В отличие от столь подробно изученного в культурной антропологии традиционного общества общество модерна построено на принципах избирательного права; законности; универсализации прав граждан; институционализации социальных изменений; светской культуре и секуляризации общества; урбанизации; автономии подсистем; рационализации; доминировании рыночной экономики; бюрократизации; профессионализации; массовом распространении грамотности и средств массовой информации; росте социальной и профессиональной мобильности.

Общество модерна состоит из граждан, обладающих неотчуждаемыми правами: гражданскими, политическими и социальными. Научная революция XVII в. и технический прогресс привели к превращению членов местных общин в граждан “воображаемой общности” – национального государства.

Отличительными чертами модерна являются: в сфере политической – демократическое конституционное государство; в сфере государственного строительства – переход к национальному государству; в сферах науки и образования – формирование автономной науки; в экономической сфере – переход к капитализму» [Там же, с. 22].

Столь большая по своим размерам цитата оправдывается тем, что в ней хорошо прослеживается специфика подхода в современном российском научном дискурсе к проблеме модернизации и ее основным концептам. Особенностью данного подхода является комплексность, когда процессы перехода от традиционного общества к современному рассматриваются одновременно во всех подсистемах жизнедеятельности общества: экономике, политике, социальной и духовной сферах [7, с. 12]. Четыре указанных в цитате базовых института современной/индустриальной цивилизации вполне четко укладываются в эту схему, равно как и их конкретизация через основные особенности. Трактовка модернизации в классическом варианте в современных отечественных гуманитарных науках детерминирована главной задачей, которая встала перед российскими учеными-гуманитариями на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и о которой уже говорилось выше, – вписать процессы развития Российского государства (в самом широком плане XVIII-XX веков) в модернизационную парадигму.

Следует добавить к выше проведенному анализу взглядов С. Н. Гаврова на современное/индустриальное общество еще одну важную характеристику, выделяемую этим исследователем с учетом научной специализации указанной монографии. Российский ученый достаточно подробно разбирает изменения, произошедшие с институтом семьи при переходе от преמודерну к модерну [1, с. 74-107]. Итогом модернизации в данном аспекте, по мнению С. Н. Гаврова, становится эгалитарная достижительная нуклеарная семья [Там же, с. 107]. Однако продлевая свой исследовательский вектор до сегодняшнего дня, этот российский ученый приходит к выводу о кризисе института семьи в целом [Там же].

С позиций, которые являются отличительными для современных отечественных гуманитарных наук и выделены ранее, подходит к характеристике современного/индустриального общества еще один известный российский исследователь модернизационной парадигмы В. Г. Федотова. Представленный ею детальный анализ этого концепта находит обобщенный итог в следующем варианте: «В ходе модернизации, которая имела место до начала XXI века, происходит переход к современному обществу (*modern society*). Оно включает в себя, прежде всего, коренное отличие современного общества от традиционного – ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность; преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад (личность типа А); предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (технологическая цивилизация); преобладание универсального над локальным» [11, с. 44-45].

При сравнении основных характеристик современного/индустриального общества, данных современными российскими учеными, проступает их очевидное сходство по абсолютному большинству представленных черт, что заставляет сделать вывод о наличии в отечественных гуманитарных науках устоявшейся точки зрения на исследуемый в данной статье концепт, в частности, и модернизацию, в целом.

Таким образом, определяя понятие «современное/индустриальное общество», необходимо учитывать его синонимичность с такими терминами, как «Запад», «модерн» и т.д. В этом контексте их значимость увеличивается до уровня концепта, поскольку в данном случае предполагается сложная характеристика, в которой

отсутствует жесткая географическая локализация и серьезно возрастает степень смысловой наполненности. В подобном плане наиболее перспективным для анализа будет комплексный подход, при применении которого выявляются особенности указанного концепта во всех сферах жизнедеятельности общества.

Большинство исследователей в качестве основных черт современного/индустриального общества в экономическом отношении называют высокую степень развития технологий, становящихся основой для зрелого уровня в формировании промышленного производства, а также складывание основ рыночного типа экономики. В качестве главных особенностей преобладающая часть современных экономистов отмечают многообразие форм собственности на средства производства при приоритете в количественном отношении частной собственности; рыночное ценообразование на основе законов спроса и предложения; высокую степень свободы главных субъектов экономических отношений – товаропроизводителя и потребителя; наличие конкуренции как основного условия для развития рынка; отсутствие либо ограниченное вмешательство государства в экономические процессы; горизонтальные связи между экономическими субъектами, основанные, прежде всего, на договорных отношениях. С учетом того, что теория модернизации была актуализирована в 1950-е – 1960-е гг., когда во многих развитых индустриальных странах уже сложился механизм функционирования смешанной экономики, перечисленные выше особенности необходимо рассматривать сквозь призму государственного регулирования экономики, но не при помощи административно-командных методов, а через основные современные экономические инструменты: в первую очередь, фискальную (налогово-бюджетную) и кредитно-денежную (монетарную) политики.

В политическом плане базовыми особенностями современного/индустриального общества будут демократический политический режим, который строится при помощи той же конкуренции, возникающей на основе избирательного права; либеральная идеология, имеющая в качестве приоритетного ориентира наличие и гарантию прав человека; складывание правового государства и гражданского общества как условий, более всего способствующих реализации личности. Все это должно стать полем для появления и развития инноваций как главной отличительной черты индустриальной цивилизации от традиционного общества.

Социальная сфера будет характеризоваться высоким уровнем урбанизации и социальной мобильности; сложной социальной структурой; индивидуализмом, способствующим выделению человека из своего социального окружения. Здесь же следует определить и основные демографические признаки, такие как коллективистская паритетная нуклеарная семья с современной моделью демографического поведения, при которой большую роль играют активное вмешательство в процесс деторождения, что приводит к низкому уровню рождаемости; существенное увеличение продолжительности жизни за счет низкой смертности, обусловленной повышением жизненного уровня населения и улучшением системы медицинского обслуживания.

Из всего выше перечисленного будут вытекать и особенности духовной сферы современного/индустриального общества. Здесь необходимо зафиксировать внимание на гибком типе мышления, который наиболее характерен для генерирования инноваций, а также для формирования индивидуализма как основной поведенческой установки человека. При осмыслении процессов окружающей природной и социальной среды наибольшую значимость приобретает рационализм, нередко связанный с секуляризацией сознания. Социально-экономическим, политическим отношениям, в целом, и семейным, в частности, присущ эгалитаризм, который в конечном, но более узком, итоге выходит на идею равенства прав людей.

Список литературы

1. **Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.** Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: монография. М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.
2. **Всемирная энциклопедия: Философия** / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. 1312 с.
3. **Калхун К.** Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [Электронный ресурс]: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения». URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 29.05.2014).
4. **Медведев Д.** Россия, вперед! 10 сентября 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 29.05.2014).
5. **Модернизация России и Европа** [Электронный ресурс]: стенограмма Круглого стола. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 29.05.2014).
6. **Побережников И. В.** Теории модернизации // Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 133-152.
7. **Российская модернизация: проблемы и перспективы** (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39.
8. **Ростоу У.** Пять стадий роста: резюме // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950-1960 гг.: сб. переводов / сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. М., 2012. С. 21-34.
9. **Словарь философских терминов** / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.
10. **Тоффлер Э.** Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 781 с.
11. **Федотова В. Г.** Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 336 с.
12. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
13. **Штомпка П.** Модернизация как социальное становление // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 119-126.
14. **Эйзенштадт Ш. Н.** Базовые характеристики модернизации // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950-1960 гг.: сб. переводов / сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко, Е. Ю. Мелешкина. М., 2012. С. 187-210.

CONCEPT “MODERN/INDUSTRIAL SOCIETY” IN MODERNIZATION DISCOURSE

Samokhin Konstantin Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
kon-sam@yandex.ru

The concept “modern/industrial society” as one of the main elements of modernization theory is an object of the study in the article. Difference between the interpretations of this concept conditioned, firstly, by the period of the formation of the modernization paradigm has determined the subject area of the work. A thesis on the larger efficiency of the complex approach while determining the definition of “modern/industrial society” results from the analysis of the views of contemporary western and domestic researchers. The paper proposes an authorial vision of the concept “modern/industrial society” and its basic peculiarities.

Key words and phrases: modern/industrial society; the West; modernity; concept; modernization; paradigm; discourse; complex approach.

УДК 783:271.2

Искусствоведение

В статье рассматривается новосоставленная служба святителю и исповеднику Амвросию Белокриницкому как агиографический певческий цикл, в котором находит специфическое воплощение подвиг первого старообрядческого митрополита, канонизированного Русской Православной Старообрядческой Церковью в 1996 г. Автор акцентирует внимание на всеобщем бдении, которое становится основным богослужебным пространством для прославления святого. В результате исследования службы святителю в традиции старообрядческой общины г. Новосибирска выявлены идейно-смысловые и функциональные особенности агиографических богослужебных жанров.

Ключевые слова и фразы: Русская Православная Старообрядческая Церковь; Амвросий Белокриницкий; святой; агиографическая культура; богослужение; певческий цикл; стихира; канон.

Светлова Ольга Александровна, к. искусствоведения, доцент
Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
svetlologa@mail.ru

**СВЯТИТЕЛЬСКИЙ ПОДВИГ МИТРОПОЛИТА АМВРОСИЯ БЕЛОКРИНИЦКОГО
В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПЕВЧЕСКОМ ЦИКЛЕ**

В современной агиографической культуре Русской Православной Старообрядческой Церкви, понимаемой нами, прежде всего, как «культура почитания святых, духовная традиция святости и связанная с этим агиографическая и агиологическая деятельность Церкви» [5, с. 143], особое значение обретает прославление святых, сыгравших ведущую роль в истории старообрядческого движения. Среди них первые старообрядческие мученики протопоп Аввакум, протопопы Логин Муромский и Даниил Костромской, епископ Павел Коломенский, инок Епифаний, боярыня Феодора Морозова, страдальцы Соловецкие, управляющие епархиями подвижники, мученики и исповедники XVIII-XX вв.

Илл. 1. Святитель Амвросий Белокриницкий (икона)